

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ОКТАВА

Предисловие к Зальцбургу

Теодор Курентзис и MusicAeterna предъявили пермякам фрагменты бетховенского цикла

Юлия Баталина

Покорив Зальцбургский фестиваль своим Моцартом, художественный руководитель Пермского театра оперы и балета посягнул на второго великого австрийского классика — Людвига ван Бетховена. В августе нынешнего года он с оркестром MusicAeterna исполнит в Зальцбурге все девять его симфоний в пяти концертах. Начнёт с Девятой симфонии — её он сыграет на главной фестивальной площадке, Фельзенрайтшуле, 15 августа, а затем — по две симфонии за концерт — продолжит в камерном зале Моцартеума. Завершится цикл 23 августа популярной Седьмой симфонией, вторую часть которой так любят использовать в художественных фильмах.

По традиции, практически нерушимой, гастрольная программа первым делом тестируется на пермской публике. Правда, в этот раз сыграть весь цикл не получилось, и тому есть множество причин; в том числе тот факт, что в сезоне 2014–2015 годов оркестр и его руководитель уже сыграли этот цикл в Перми. На сей же раз в течение недели были исполнены Девятая и Седьмая симфонии — начало и финал Зальцбургской программы.

Обстоятельства нынешнего исполнения Девятой симфонии сложились самые драматические. Курентзис запланировал на 27 марта, Международный день театра, концерт-энигму, когда зрители не знают заранее, что за музыка будет исполняться, и либо определяют сами, либо читают в программках, которые раздают уже после концерта. За два дня до события произошла трагедия в

Кемерово, потрясшая Россию и мир, и публика шла на концерт в сложных чувствах. Пожар в «Зимней вишне» — не то событие, к которому можно отнестись формально, оно для всех — личное. Легко можно было задеть кого-то, даже не причастного к трагедии непосредствен-

ем Борисовым, ну, а затем всё зависело от музыкантов.

«Энигма» очень быстро перестала быть загадкой — Девятую симфонию трудно не узнать. Эта музыка парадоксальна по своему пафосу и обстоятельствам создания: Бетховен писал её, будучи практически глухим, но вложил в неё не гнев и обиду, а всю радость мира. Впрочем, было бы слишком просто считать Девятую весёлой или радостной музыкой. Это гимн противостоянию трагической судьбе, и в этом качестве в дни, когда страна переживала трагедию, она прозвучала очень уместно. Оркестр и хор MusicAeterna показали, что они не только хорошо играют, но и умеют вкладывать в музыку особый смысл, соответствующий моменту. Было очевидно, что Девятая симфония — это сюжетное произведение, рассказ о трудном пути, приведшем к торжеству, но торжеству, которое не перечёркивает всех пройденных тягот.

Те, кто слышал это произведение в том же исполнении три с половиной года назад, не могли не оценить, насколько изменился подход к нему музыкантов: музыка прозвучала гораздо более радикально

но, сделать больно... Руководство Пермского театра оперы и балета обставило всё максимально деликатно: начали с минуты молчания в память о погибших, объявленной директором театра Андре-

Те, кто слышал это произведение в том же исполнении три с половиной года назад, не могли не оценить, насколько изменился подход к нему музыкантов: музыка прозвучала гораздо

более радикально. «Ода к радости» почти превратилась в марш, солисты и хор пели подчёркнуто стаккато, не пытаясь смягчить и гармонизировать энергичное музыкальное высказывание.

Интересно, как воспримет такого Бетховена Зальцбург.

Седьмая симфония, исполненная спустя неделю, во втором отделении концерта 4 апреля, прозвучала уже более традиционно, подарив слушателям радость узнавания такого любимого всеми Allegretto. Знаменитое крещендо было ожидаемо мощным. В первой, третьей и четвёртой частях оркестр подчеркнул танцевальный характер мелодий — музыканты даже приплясывали, благо играли стоя. Очень хочется особо упомянуть Николая Дульского: если хотите услышать такое чудо, как виртуозные литавры, его послушайте. Ему бы солировать в концерте для литавр с оркестром...

Гораздо большим сюрпризом, чем симфония, стало для публики первое отделение того же концерта 4 апреля, когда вместе с пианистом Александром Мельниковым MusicAeterna сыграла бетховенский Третий концерт для фортепиано с оркестром. Мельников, известный любитель аутентичных инструментов, играл не на рояле, а на хаммерклави́ре, и вряд ли ещё где-то доведётся нашему современнику услышать эту музыку в таком варианте.

Понравилось, прямо скажем, не всем: хаммерклавир звучит тихо и очень сухо, в нём нет полноты и сочности современного фортепианного звука. Но Бетховен-то сочинял именно для такого инструмента! Оркестру пришлось играть очень аккуратно, буквально «на цыпочках», чтобы подстроиться к солисту, — в результате получился почти барочный звук. Вся ткань музыки говорила о том, что это ранний Бетховен, ещё не вполне ушедший от традиции XVIII века.

Дабы закрепить впечатление, Мельников на бис сыграл ещё фрагмент из Третьей фортепианной сонаты Бетховена. Теперь меломаны Перми отлично знают, как звучит Бетховен на хаммерклави́ре.

В финале, после Седьмой симфонии, оркестр тоже играл на бис — увертюру к «Свадьбе Фигаро» Моцарта в «фирменном» сверхбыстром темпе, видимо, для тех, кто жаждал уже привычного «курентзисовского рокерского драйва». Прежде чем дать отмашку для биса, Курентзис извинился за длинные паузы: струны у исторических инструментов жильные, а в зале жарко, пришлось часто и тщательно настраиваться. Концерт получился длинный... Впрочем, можно спорить, что никто этих длинных пауз не заметил — они ничуть не нарушили энергичного темпа всего концерта.

Если добавить, что дирижёр завязал знаменитые красные шнурки на ботинках, памятные зрителям всей Европы, можно с уверенностью сказать, что Курентзис к Зальцбургу готов.

ФОТО АНТОН ЗАВЬЯЛОВ

Александр Мельников солирует на хаммерклави́ре